

Дмитрий ЗАЙЦЕВ*г. Санкт-Петербург*

СКРИШКА

Силуэты деревьев медленно угасали на вечернем небе, долина наливалась сумерками, и старый олень, поднявшись с травы, где долго дремал, глубоко потянул носом воздух. Две маленькие птички испуганно взвились ввысь, когда, взволновав сонную заросль, он осторожно ступил на едва заметную тропу. Издалека, из-за темных сплетений стволов, его манила к себе странная, чарующая сила, внезапно им овладевшая много месяцев назад, ранней весной, в слабом свечении закатного солнца. Чем дальше шел олень, тем осторожнее делались его шаги, а ноздри раздувались все шире и вскоре учуяли знакомый запах сумеречно-фиолетовых цветов, венчиком окружавших тихое лесное озеро. В его темнеющей воде замерли отражения высоких сосен, и лишь иногда проскальзывал над ними по зеркальной глади преждевременно опавший лист. Мягко ступая по мху, старый олень медленно шел вдоль самого берега, пока впереди не показалась травой заросшая поляна. Прежде чем лечь на землю, среди густых кустов, он долго еще стоял на месте, настороженно вслушиваясь в шелест листвы, и лишь его голова с тяжелыми рогами медленно поворачивалась из сто-

роны в сторону да с тяжелым сопением вздувалась широкая грудь. Наконец олень опустился на колени, трава коснулась его шеи, и слились с ветвями неподвижные рога.

То там, то тут, под исполинскими соснами, уходящими своими вершинами в загоравшееся звездами небо, стал раздаваться прерывистый стрекот, и не успела луна пролиться серебристым светом, как вся поляна наполнилась уже звуками сверчков. Со сладкой дрожью в спине старый олень внимательно вглядывался в полутьму, и вот невдалеке в просвете между деревьев промелькнуло неясное очертание, чтобы спустя несколько секунд с тихим хрустом сухого валежника ступить на край поляны.

То был мальчик, русоволосый, коротко остриженный, совсем небольшого росточка, с тонкой шеей и еще более тонкими руками, на одной из которых сразу два пальца были перевязаны лоскутками белой материи. За плечами у мальчика был большой кожаный футляр. Оглядевшись по сторонам, он быстро пересек поляну и, остановившись на другом ее краю, как раз напротив затаившегося старого оленя, поставил футляр на широкий коряжистый пенек. Еще раз оглядевшись, на этот раз совсем невнимательно, рассеянно, он нетерпеливо опустился перед пнем на землю и с загадочной улыбкой на лице провел руками по чехлу, едва касаясь холодными ладонями его гладкой поверхности. Через миг приглушенно щелкнул маленький замочек, створки футляра разомкнулись, и в руках мальчика появился дивный предмет, при виде которого старый олень невольно потянулся всем своим телом вперед, цепляясь рогами за ветки, вздрагивая и замирая. Что-то подсказывало ему, что не только в мальчишке, но и в нем, в этом лунным светом омытом предмете, таится та самая необъяснимая сила, которая вот уже не один месяц манит его на берег этого тихого озера. Мальчик меж тем достал из футляра длинную тонкую палочку и, вздохнув и поглядев куда-то вдаль, опустил загадочный предмет к себе на плечо. В этот последний миг пленительного ожидания, пока мальчик снова глядел куда-то вдаль, старый олень в последний раз придвинулся поближе, вытянул шею и застыл, пристроив

голову на мягком сплетении трав. И вот раздался тонкий струнный звук, тихий, вкрадчивый, невесомый, и где-то в груди, в самой ее глубине, на дивный, дивный миг у старого оленя перехватило дыхание, и звездная ночь поплыла перед глазами, и звук внезапно стих, но лишь на миг и лишь затем, чтобы еще раз подарить момент прозрачного предчувствия и вслед затем возникнуть вновь. Порой среди чудесного полета мелодии старый олень вдруг различал знакомые соцветия звуков. С особым упоением, чувствуя свою причастность к неуловимой силе, он мысленно взвивался с ними к небу или стихал, закрывая глаза.

Когда мальчик, распрямившись, закончил играть, луна уже описала по небу дугу и светила над темными взгорьями далеких холмов. Вновь издав приглушенный щелчок, створки футляра сомкнулись, а мальчик зашагал по тропинке к деревне. Его звали Мирослав. В футляре у него за спиной лежала старая скрипка, которую подарил ему однажды школьный учитель, приехавший в деревню из города. Он же и научил мальчика играть на ней. Мирослав был сыном кузнеца — человека огромного роста, широкоплечего, немного сутулого, с черной цыганской бородой, темными грустными глазами и огромными руками с грубой кожей по тыльной стороне ладоней. Отцу Мирослава кузница досталась от своего отца, а тому от своего отца, а тому от своего, и не было во всей деревне человека, который мог бы сказать точно, с каких таких древних времен брал свое начало этот уважаемый кузнечный род, где все тайны кузнечного дела передавались из поколения в поколение, а традиции были так же крепки, как сталь, что выковывалась на тяжелых наковальнях. У кузнеца не было других детей, кроме Мирослава. Весь свой кузнечный опыт, все силы и всю свою суровую, но безграничную любовь он отдавал сыну — единственной родной душе, оставшейся в его жизни после смерти жены. Бывало, трудясь над зажатой в тисках металлической заготовкой, Мирослав пришибал себе молотком палец и, корчась от боли, кидался в угол кузницы, где стояло ведро с холодной колодезной водой. Тогда все жилы отца судорожно вздрагивали, вздувались скулы, а виски стягивало невидимым обручем боли, будто бы его собственный палец побывал только что под тя-

жестью железа, но жалобный взгляд сына он неизменно встречал скупым вопросом: «Ну что, перевязал? Тогда давай за дело». И, хмуря брови, добавлял чуть погодя: «Ничьей вины в том нет, кроме твоей. Уж шибко ты задумчивый».

Мирослав поднимался, перевязывал ушибленный палец и вновь принимался за работу. Ближе к вечеру кузнец обыкновенно велел ему достать из-под столешницы в углу какой-нибудь не слишком тяжелый стальной обрезок. И покуда безразличной рукой Мирослав вытаскивал один из обрезков на свет, покуда вслед за этим медленно направлялся к жаровне, кузнец с тревогой вглядывался в его лицо. Все чаще и чаще на лице сына он замечал выражение какого-то печального томления. А сталь тем временем раскалялась на пылающей жаровне до красновато-желтого свечения. Кузнец переносил ее, зажатую в щипцах, на наковальню, и, подозвав к себе сына, учил тому, как нужно наносить удары молотом. Сталь извивалась и плющилась. Порывисто и остро разлетался по кузнице ее оглушительный звон. И среди всех этих всплесков искр и звуков рождались порою мгновения, когда кузнецу вдруг начинало казаться, что в глазах работающего молотом сына вдруг жарко вспыхивает заветный блеск любви к кузнечному искусству. Но всякий раз этим заветным блеском оказывалось лишь отраженное свечение металла. Так проходили дни и месяцы. И никогда не мог кузнец подумать, что мыслями и сердцем Мирослава давно уж завладела другая любовь. Этой любовью была скрипка.

Окончив работу, отец и сын шли домой. Там, на ступеньках с тяжелыми перилами, встречала их Палташка — хлопотавшая у них по хозяйству соседская девка, молодая, румяная, вся пышущая жаром, с мягко округленными голыми локтями и налитыми щеками, с черной косой, всегда переплетенной пестрой лентой. Пока Мирослав, задержавшись перед дверью, наблюдал с верхней ступеньки за воробьями, ссорившимися у лужи из-за хлебных крошек, Палташка вела кузнеца в светлицу, где его уже ждал накрытый стол. Пушистый трехцветный кот с ненасытными глазами все терся о ноги кузнеца, а тот, сидя на стуле,

сильно работал деревянной ложкой, совсем не замечая, как Палташка, стоящая чуть позади и сбоку, с томным вниманием следит за каждым его движением.

— Палташка, — говорил кузнец, расчистив первую тарелку. — Иди загони в дом Мирослава. Где он там есть?

Палташка исчезала за дверью и появлялась с мальчиком, и, пока тот направлялся к своему стулу, трехцветный кот кидался ему навстречу, Палташка снова отходила в сторонку, а кузнец строго глядел на сына поверх бульонной чашки и говорил:

— Есть надо, а не на птиц глядеть.

— Правду твой отец говорит, — тут же встревала Палташка. — Где ж это видано, чтоб сын кузнеца таким худым был.

Ничего не отвечая, Мирослав принимался за еду. Бесперывно поглядывая в окно, он думал только о своей скрипке и не переставал тревожиться о том, чтобы тучи не заволокли небо и дождь не отнял у него лесной улады. Наскоро поужинав, он уходил в свою комнату и там, в одежде забравшись под одеяло, долго лежал на кровати, напряженно и нетерпеливо вслушиваясь в звуки. Когда все стихало, из глубины старого шкафа он на ощупь доставал свой кожаный футляр со скрипкой и, осторожно выбравшись из комнаты через окно, крадучись двигался в потемках между заборов и кустов к лесной тропинке на краю деревни. А на другой день, проснувшись поутру от громкого голоса Палташки, звавшей его через дверь к завтраку, он подолгу сидел на краю кровати, свесив ноги и глядя мутными глазами перед собой. Уж много раз он обещался сам себе пораньше возвращаться из лесу, да только всякий раз, очутившись на своей полянке со скрипкою в руках, забывал про сон и вечную усталость. Тем временем Палташка, устав кликать его из кухни, с коротким дробным стуком отворяла дверь.

— Что? Не выспался? — говорила она с лукавою улыбкой, беря Мирослава за руку и ведя во двор, где стоял широкий таз со свежеею студеную водой.

Мирослав в ответ лишь пожимал плечами. Умывшись, он долго пил за кухонным столом горячий чай, медленно жевал и все глядел в окно. Затем, вздохнув, вставал со стула и тихо

брел к отцу, который уж давно гремел в кузечной мастерской. С невыносимой тоской толкнув тяжелую дверь, Мирослав переступал порог и принимался за ненавистную работу. И была во всей кузнице лишь одна вещь, которая неизменно приковывала к себе его внимание. То была отцовская шпага, на вид обычная и неприметная, без россыпей драгоценных самоцветов, без роскоши орнаментов, но прекрасная в грозном своем блеске стали, в совершенной своей равновесности клинка и эфеса, в своем ледящем кровь величии, холодном и строгом. Уж не один блестящий офицер кавалерийского полка, прослышав об этой шпаге и подержав ее в руках, просил со страстью кузнеца продать ее, суля взамен любые деньги. Кузнец же все был непреклонен.

— Не встретил я еще такого человека, которому бы мог ее отдать, — говорил он сыну всякий раз, как отвечал отказом на очередные уговоры.

— А если встретишь? Какие деньги спросишь? — спросил его однажды Мирослав.

— Отдам без денег.

В один из ясных дней, когда Мирослав, справившись с едой, ушел к себе в комнату, а кузнец потягивал из блюдца горячий чай, Палташка, собиравшая посуду со стола, вдруг сказала:

— К нам в дом вчера сваты приезжали.

— К тебе или к сестре? — спросил кузнец, не поворачивая головы.

— Ко мне.

— И что же?

— С чем приехали, с тем и уехали, — ответила Палташка.

— Что ж так? Жених не понравился?

— Не понравился.

— Кривой, поди? Или рябой.

— И не кривой, и не рябой, — ответила Палташка, стерла со стола крошки и, быстро взглянув на кузнеца, добавила. — Да только не люб он мне.

— Ишь, — усмехнувшись, кузнец поставил чашку на стол. — А кто ж тебе люб?

— Вы любы.

Услышав это, кузнец круто повернулся и поглядел на Палташку, боком стоявшую к нему с тарелками и тряпкой в руках:

— Что ты сказала?

— А что слышали.

— Да что за вздор ты говоришь!

— Хочу и говорю. Не маленькая уже.

— И слышать не желаю! — кузнец резко поднялся из-за стола.

— И не слушайте, коль не по нраву. А только сыну вашему уже десятый годок пошел, а он вон какой, и худенький и слабенький, и ест плохо, и под глазами темные круги. Не выйдет из него кузнец!

— Да тебе-то почем знать!

С грохочущим звоном Палташка быстро поставила тарелки обратно на стол и, упершись в него кулаками, над ним наклонилась и, прямо глядя кузнецу в глаза, громко сказала:

— В жену он вашу покойную пошел. Вот почему. Я ее живо помню. Вечно она была вся бледная и тихая. То голова у ней кружилась, то еще чего, — тут Палташка распрямилась. — Не такая жена вам нужна... — она хотела сказать что-то еще, но кузнец уже ступил через порог. Тогда в отчаянии она крикнула ему вслед. — А если и сын ваш сляжет от болезней? Что тогда? — и, увидев, как он круто повернулся, как сверкнули его глаза, тотчас испугалась и бросилась в другую дверь.

Кузнец же долго стоял неподвижно. Потом медленно подошел к столу и тяжело опустился на стул. Его рука нащупала на шее шелковую тесемку и потянула за нее. Из-под рубахи показался серебряный медальончик. Тихо открылась вырезная крышечка, и сквозь хрупкое стекло с заветной фотокарточки нежная жена печально и ласково взглянула на кузнеца своими темными, задумчивыми глазами. И точно наяву увидев ее, сидящую напротив, неясную, невесомую, с нежно-бледным цветом томного лица, с тонкими пальцами, с вьющимися непослушными прядями, погруженную в свои мысли, и на миг себе представив на этом самом месте бойкую Палташку, игриво мигающую веселыми глазами, пылающую с щек румянцем, дразнящую его криво, жаркую и громкую, — кузнец долго качал головой.

Вскоре Палташка вновь появилась в дверях. Виноватым шагом она подошла к окну и, взглянув украдкой на кузнеца, зашептала.

— Я ведь вовсе не то сказать хотела.

— Уж смеркается. Иди, Палташка, домой, — тихо ответил кузнец.

— Злитесь на меня? — спросила Палташка, но ответа от кузнеца не дождалась. Его огромная неподвижная фигура тяжело возвышалась над столом в глубине густевшего полумрака, и только мерный ход маятника в старых часах нарушал томительную тишину. Уже в дверях Палташка обернулась. Чуть приоткрыв рот, она нерешительно и мелко вздохнула, будто собиралась что-то сказать, но тут же крепко сжала губы и снова повернулась к кузнецу спиной, но шага не сделала. Прошел миг, другой, третий, и, наконец, собравшись с духом и снова обернувшись, она сказала, смущенно теребя подол платья.

— Мирослав должен больше спать.

Кузнец молчал.

— Он слишком мало спит, — продолжала Палташка. — Это от того, что по ночам... — она запнулась и смолкла.

Кузнец поднял на нее глаза.

— Что по ночам?

— Не знаю, могу ли я...

— Ну говорю же. Я его отец.

— Он играет на скрипке, — боясь встретить взгляд кузнеца, она еще быстрее принялась трепать подол. — По ночам он играет на полянке в лесу. У озера. Я как-то... — она снова сбилась. — Я как-то раз проследила... — и, не договорив, она исчезла в дверях.

Открыв дверь в комнату Мирослава, кузнец сперва подумал, что Палташка вздумала его дурачить, потому что даже и в густых сумерках он отчетливо видел с порога своего сына, спокойно спавшего на кровати, с головой укрывшись одеялом. Но неуловимое ощущение какой-то ловко смастеренной хитрости заставило его помедлить, а вслед за тем и вовсе шагнуть в комнату. Тихо подойдя к кровати, кузнец осторожно потянул за край одеяла, все еще надеясь на то, что слова Палташки — лишь обиженный вымысел. Но через миг тайное сделалось явным. Под одеялом, обманчиво покрывавшим притворные очертания, лежали лишь скомканные рубахи и несколько подушек, вытасненных из старого шкафа. Окно оказалось чуть приотворено, а петли на рамах были хорошо смазаны и поворачивались без малейшего звука. Кузнец оглядел все это

из-под нахмуренных бровей и, выйдя из дому, быстро зашагал лесной тропинкой к озеру. Ему теперь вспомнился далекий день, когда Мирослав чуть не плача просил у него позволения заниматься по вечерам игрой на скрипке, но получил отказ, и все же, стало быть, ослушался. При этой мысли глубокая морщина прорезала лоб кузнеца, а губы его сжались в тонкую полоску. Вскоре непроглядная глушь расступилась, и меж веток волнуемой заросли блеснули серебристой рябью воды тихого озера, а вслед за этим на пеньке, на другом краю поляны, кузнец увидел темную фигуру, замершую, ссутулившуюся, держащую в руках смычок и скрипку. И вдруг смычок пополз по струнам вниз, и дивной красоты звук заставил кузнеца застыть на месте. И сколько он так простоял, слушая игру сына, он сказать не мог, но только в какой-то миг, внезапно опомнившись, он сделал несколько решительных шагов и, разметав тугие ветви на своем пути, ступил на поляну. Хрустнул под его ногами сухой валежник, оборвался звук скрипки, и в лунном свете сын узнал отца. Старый же олень, лежавший, как всегда, среди кустов, так увлекся мелодией, что ничего кроме нее не слышал. Открыв глаза во внезапно наступившей тишине, он вздрогнул, пораженный переменной в лице мальчика. Еще ничего не понимая, олень проследил его взгляд и судорожно повернул голову. Только тогда он заметил, что на поляне появился чужак. Замершая в ожидании, неподвижная фигура кузнеца как будто бы не таила в себе угрозы, и все же необъяснимое предчувствие ужасного вдруг прокатилось по телу оленя ледяным содроганием. И это тревожное чувство только нарастало, пока поникший Мирослав смиренно убирал свой дивный инструмент в футляр и вслед за этим обреченно шел к отцу. Ничто не нарушило тишину. Фигуры, не обмолвившись ни словом, скрылись за деревьями, а старый олень, забыв об осторожности, выскочил из своего укрытия и долго еще глядел им вслед, в темноту, в пустоту.

Школьный учитель давно уже спал крепким сном, когда в дверь его дома громко и нетерпеливо постучали. Накинув халат, нацепив на

нос очки, он вышел со свечой в руке в прихожую, сонным движением отпер замок и приотворил дверь. В тот же миг кто-то сильно рванул дверь на себя и, настежь распахнув ее, переступил порог. Все еще шурясь, школьный учитель поднял свечу повыше и тотчас испуганно отступил назад. Перед ним стоял кузнец, и лицо его было угрожающе мрачно.

— Если снова увижу скрипку в руках сына — пеняй на себя, — с этими словами кузнец пугающе медленно протянул футляр школьному учителю и вышел вон. Он был уже у самого забора, когда, оправившись от испуга, школьный учитель выскочил за ним на улицу и закричал, задыхаясь в порывах встречного ветра:

— Постойте! Вы не можете так поступить. У Мирослава удивительный талант к музыке, — путаясь в своем халате, он обогнал кузнеца и, повернувшись к нему лицом и пятясь, продолжал. — Он должен заниматься, он должен играть. Он родился музыкантом...

Он не успел договорить, потому что одним большим шагом кузнец преодолел разделявшее их расстояние и, схватив его за отворот халата, приглушенно процедил сквозь зубы:

— Я его отец. И мне решать, кем он родился, — и, глядя куда-то вдаль, добавил. — Он станет кузнецом. Как я. Как мой отец. Как весь наш род.

Сказав так, кузнец пошел прочь.

Деревня, в которой жили кузнец с сыном, принадлежала богатому помещику, кроме своей дурной головы славившемуся еще и поразительной прожорливостью. Его огромное брюхо за раз способно было вместить в себя хорошо откормленного поросенка, нежное мясо коего помещик предпочитал на обед всем прочим блюдам. И вот однажды, спустя много дней после той ночи, когда раскрылась тайна Мирослава, помещик прослышал случайно о знаменитой шпаге. Прослышал и послал за кузнецом своих слуг. Явившись в тот же день в кузницу, те объявили кузнецу барскую волю, а пока их лошади отдыхали перед обратной дорогой, принялись, громко ругаясь, играть на деньги в карты, приспособив под карточный стол вековую наковальню. Не один раз порывался кузнец вышвырнуть незваных гостей вон из кузницы, но всякий раз на месте его удерживала тревога за судьбу сына, которого могла коснуться барская месть. Когда же лошади отдохнули и повозка была готова, кузнец с тяжелым предчувствием на сердце обернул шпагу куском темно-алого сукна и, остановившись в дверях, обернулся на сына. Тот стоял в углу кузницы, нервно кусая свои губы, с заломленными за спину руками, с тревогой на лице.

— Ты помнишь мой наказ? — спросил кузнец сына.

Мирослав в ответ кивнул, и кузнец, переступив порог, тихо прикрыл за собой дверь.

За всю дорогу до поместья кузнец не проронил ни слова. Он сидел, сложив руки на своем свертке, и глядел неподвижным взглядом вдаль. К вечеру повозка подкатила к барскому дому. На крыльце кузнеца встречал сам помещик, окруженный несколькими своими слугами. Приняв из рук кузнеца сверток, он нетерпеливо его разматал и быстро забегал по шпаге своими маленькими, сыто выглядывавшими из заплывших жиром век глазками. Ничего не смыслив в оружии, он выискивал на шпаге дорогие самоцветы, но ничего не находил. Так и сяк вертел он шпагу, вынимал ее из ножен, поворачивал и снова вкладывал обратно, пока, наконец, не порезал себе палец. Тогда, с визгливым криком выпустив ее из рук, он злобно поглядел на кузнеца и прошипел:

— Забирай свою шпагу и убирайся вон отсюда.

Едва скрывая радость, кузнец нагнулся за шпагой и, подняв ее с земли, уже вложил в ножны, как вдруг помещик вновь заговорил.

— А впрочем, я оставлю эту шпагу себе, — сказал он, посасывая порезанный палец. — Она такая острая, что послужит отличным вертелом для моих свиней к обеду. А? — прищурив свои глазки, он поглядел на слуг. Согнувшись, сгорбившись, те быстро закивали головами, стараясь превзойти друг друга в подбострастии к хозяину. А помещик вновь уставился на шпагу. — Какая мысль!.. А? Шпага мне послужит вертелом... Вот мысль так мысль... Вот голова!.. — и, развеселившись, он весь зашелся в слюнявом хохоте. — Вот голова! — нахваливал он сам себя, жирно сотрясаясь под халатом и роясь дрожащей рукой в холщовом мешочке, привязанном к поясу.

— Я заплачу тебе щедро. Ты славно меня по-

веселил, — наконец сказал он, протягивая кузнецу несколько монет. Но даже не взглянув на деньги, кузнец ему ответил.

— Не продам.

Помещик вмиг умолк и, быстро вытерев халатом мокрую губу, вперил свои глазки в кузнеца.

— Это почему еще?

— Не для того я эту шпагу ковал, чтобы на ней свиной жарили, — ответил кузнец. И повторил. — Не продам.

Услыхав такое, помещик снова весь затрясся — на этот раз от злости.

— Не продашь, значит! — закричал он, наливаясь кровью и блестя багровой лысиной. — Тогда я заберу ее так, — тут он закричал своим слугам. — Что стоите?! Заберите шпагу!

Несколько мужчин, окружив кузнеца, бросились на него одновременно с разных сторон. Шпага упала на землю. Двоих из барских слуг кузнец успел схватить за горло и отшвырнуть к забору. Третьего он оглушил ударом по лбу. Но четвертый ему вцепился зубами в ногу, и пока кузнец, отвлекшись на него, пытался ухватить того за бока, другой какой-то ловкий мужчина подкрался к кузнецу сзади. Быстро наклонившись, он поднял с земли увесистый камень, размахнулся и что было сил ударил им

кузнеца в спину. От невыносимой резкой боли в глазах у кузнеца все помутилось. Опустившись на колени, он рухнул вслед за тем лицом на землю. И перед тем как потерять сознание, сквозь туман и дурноту он услышал прямо над собой торжествующий голос помещика:

— Я здесь барин. И мне решать, для чего ковалась твоя шпага.

На другой день, раскаляя на жаровне очередной стальной обренок, Мирослав с тоской глядел через окно на то, как угасали на вечернем небе силуэты далеких деревьев, в окружении которых он играл в прежнее время на скрипке. Он глядел в окно и не знал, что в этот самый миг, поднявшись с травы и глубоко потянув носом воздух, старый олень, как и в прежнее время, отправляется в путь к их заветной поляне. Не знал Мирослав и того, что этой ночью олень его дождется, потому что отворилась дверь и через порог шагнул его отец, держа в руках смычок и скрипку.

□

Дмитрий ЗАЙЦЕВ

родился и вырос в Карелии.

После окончания школы поступил

на юридический факультет в Санкт-Петербурге,

окончил его в 2009 году.

Много путешествовал

по странам Западной и Восточной Европы.

Публиковался в научно-юридических печатных изданиях.

Лауреат конкурса «Северная звезда».

В журнале «Север» публикуется впервые.

